

INSPIRIA

У И Л Л Д И Н

СМЕРТЕЛЬНАЯ ГЛУБИНА

INSPIRIA

Ток. Триллеры от мастера жанра. Уилл Дин

Уилл Дин

Смертельная глубина

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Дин У.

Смертельная глубина / У. Дин — «Эксмо», 2024 — (Ток.
Триллеры от мастера жанра. Уилл Дин)

ISBN 978-5-04-254212-1

Клаустрофобная атмосфера постоянного давления, нехватки воздуха и настоящей борьбы за выживание в барокамере в водах Северного моря. Новый тревожный триллер от автора мировых бестселлеров «Пусть всё горит» и «Последний пассажир» Уилла Дина. Сочетание «10 негритят» и «Игры в кальмара». Суровое Северное море. Пятеро водолазов, запертые в барокамере. Четыре дня, чтобы выжить, пока они умирают по очереди. Команде из шести водолазов предстоит провести месяц на борту специального судна в Северном море. Следующие двадцать восемь дней они будут жить в герметичной барокамере под давлением, иначе говоря, «на глубине». Впереди долгие погружения на дно и тяжелая работа. Но экстремальные условия не самое опасное, что ждет их дальше. В середине первого же дня одного из водолазов находят мертвым в его собственной койке... Что это — простой несчастный случай или немыслимое в такой обстановке убийство? Четыре дня, пока идет безопасная декомпрессия, теперь уже пятерым водолазам придется находиться в тесном пространстве рядом с трупом. Вот только это была лишь первая из череды смертей. Неужели кто-то решил избавиться от них один за другим, и, что страшнее, они заперты с убийцей? Останется ли хоть один из них в живых к концу последнего дня или истощение, подозрения и паранойя уничтожат их всех? «Дух захватывает. Ужасающий. Незабываемый. Настолько напряженный роман, что вам захочется оторваться от него, и настолько захватывающий, что вы не сможете этого сделать. "Смертельная глубина" просто великолепна». — Крис Уитакер, автор мирового бестселлера «Мы начинаем в конце» «Это выводит герметичные триллеры на совершенно новый уровень, как никогда прежде. Если бы кто-нибудь посоветовал мне прочитать книгу, действие которой разворачивается в декомпрессионной камере, я бы отказалась, но я взялась за чтение, ничего не зная о сюжете, и все тщательно исследованные факты показались мне

невероятно увлекательными я. Как только вы начинаете читать эту книгу, возникает необходимость закончить ее, что я и сделала за два дня». — Лиз Ньюджент, автор мировых бестселлеров «Странная Салли Даймонд» и «Сад твоей лжи» «"Смертельная глубина" — это мастерски написанный триллер, вызывающий клаустрофобию, созданный с точностью часового механизма, а раскрытие событий показано с большей глубиной, чем нефтяная вышка в Северном море. Просто великолепно!» — Дженис Халлетт, автор мировых бестселлеров «Код Твайфорд» и «Что написал убийца» (ранее книга выходила под названием «Выйти из чата») «Я была полностью захвачена происходящим в "Смертельной глубине". Этот невыносимо напряженный триллер создавал атмосферу клаустрофобии, которая заставляла меня тянуться к спасательному люку даже на просторах Девона. Хорошо прорисованные персонажи и превосходная проза. Отличное летнее чтение». — Сара Пирс, автор мировых бестселлеров «Санаторий», «Скала жнеца» и «Дебри» «"Смертельная глубина" Уилла Дина — это потрясающий герметичный page-turner. Шесть водолазов, запертых в барокамере, умирают один за другим при загадочных обстоятельствах и не знают, кому можно доверять. Изоляция и страх осязаемы, а надвигающийся ужас ощущается с постоянной динамикой, заставляющей сердце бешено колотиться. Дотошное исследование Дином повседневных обязанностей водолазов, занимающихся погружением в воду, закладывает основу книги, но именно его способность запереть читателей в металлической камере и захлопнуть за ними дверь превращает "Смертельную глубину" в захватывающий, незабываемый триллер». — Хизер Гуденкауф, автор триллеров «Ночной гость» и «Когда никто не видел» «В высшей степени оригинальный триллер, действие которого разворачивается в вызывающем клаустрофобию и сопряженном с высоким риском мире погружений с аквалангом. Напряжение почти невыносимо. Мастер-класс по саспенсу — мне это очень понравилось!» — Шери Лапенья, автор триллеров «Супруги по соседству» и «Нежеланный гость» «Дин ("Последний пассажир") мастерски переосмысливает загадку убийства в замкнутом пространстве, создавая напряженную и вызывающую клаустрофобию атмосферу в барокамере... Дин прорабатывает своих персонажей, блестяще обыгрывая классические сюжеты и в то же время используя свой талант в создании собственного стиля и образов. Результаты впечатляют». — Publishers Weekly

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-254212-1

© Дин У., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Глоссарий	8
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Уилл Дин

Смертельная глубина

Will Dean
THE CHAMBER
Copyright © Will Dean 2024

© Кучина С., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается водолазам-глубоководникам и книготорговцам.

Вы настоящие звезды. Вы трудитесь в условиях невероятного давления, и вам нужно «возвращаться на землю» после долгой смены. Вы незаменимы, недооценены и обладаете недюжинными знаниями. Вы виртуозно жонглируете задачами. Без вас все пошло бы прахом в мгновение ока. Спасибо.

*Палец у меня зудит,
что-то злое к нам спешит.*

**Уильям Шекспир,
«Макбет»¹**

¹ Здесь и далее перевод С. М. Соловьева. – Примеч. пер.

Глоссарий

Насыщенные погружения – это отдельный удивительный мир. Технологии постоянно развиваются, снаряжение и протоколы обновляются. Водолазные системы различаются между собой – от страны к стране, от судна к судну. В этой книге речь пойдет о технологиях и системах, которые были в ходу в начале 2000-х годов. Ниже перечислены некоторые из наиболее часто встречающихся терминов.

Погружение на обогащенном воздухе – Погружение с пуповиной, а не с аквалангом, но без насыщения.

Беллман – Дежурный водолаз внутри колокола.

Кессонка/заломай – Декомпрессионная болезнь. В тканях организма после гипербарического воздействия образуются пузырьки.

ВДС – Встроенная дыхательная система. Резервная система в барокамере, обеспечивающая подачу дыхательных смесей, отличных от основного газа, используемого для создания давления.

Продувка – Процесс нагнетания газа для повышения давления в замкнутой камере или колоколе.

Закон Бойля – Мариотта – Зависимость между давлением и объемом газа при постоянной температуре.

Барокамера – Герметичная камера для погружения, оснащенная люками для входа и выхода, а также системой подачи пригодного для дыхания газа.

Балласт – Бетонный груз для натяжения и стабилизации спускового колокола.

Декомпрессия – Падение давления, испытываемое водолазами в конце погружения или пребывания в камере; процесс выхода инертных газов из тканей организма в этот период.

Дельта-пи – Поток, вызванный разницей давлений.

Спусковой колокол – Камера меньшего размера, подвешенная на тросах и используемая для перемещения водолазов в СОВР и обратно.

СОВР – Судно обеспечения водолазных работ.

СДП – Система динамического позиционирования.

Продуваться – Выравнивать давления в ушах и носовых пазухах при погружении.

Грузовой шлюз – Шлюз среднего размера в подводном рабочем понтоне, предназначенный для передачи водообогреваемых гидрокостюмов и другого оборудования.

Шлем – Водолазный шлем с системой подачи дыхательной смеси, освещением и средствами связи.

Гелиокс – Дыхательная кислородно-гелиевая смесь.

ИПБ – Инспекция по безопасности.

Водообогреваемый гидрокостюм – Специальный костюм с системой трубок, по которым непрерывно подается горячая вода для защиты от переохлаждения.

ОСЖ – Оператор систем жизнеобеспечения. Специалист, управляющий системами жизнеобеспечения в жилых и рабочих барокамерах.

Стыковка – Процесс герметичного соединения одной барокамеры с другой (например, спускового колокола с подводным понтоном).

Медшлюз – Небольшой шлюз в барокамере для передачи пищи, медикаментов, белья, записок и т. д.

О-ринг – Кольцевая механическая прокладка для создания герметичности в соединениях.

Система возврата газа – Система для сбора и очистки отработанной кислородно-гелиевой дыхательной смеси с целью ее повторного использования.

Работа на насыщении – Метод длительных погружений, при котором водолазы живут под давлением неделями, а ткани их тел насыщаются газом. Декомпрессия проводится однократно по завершении работы.

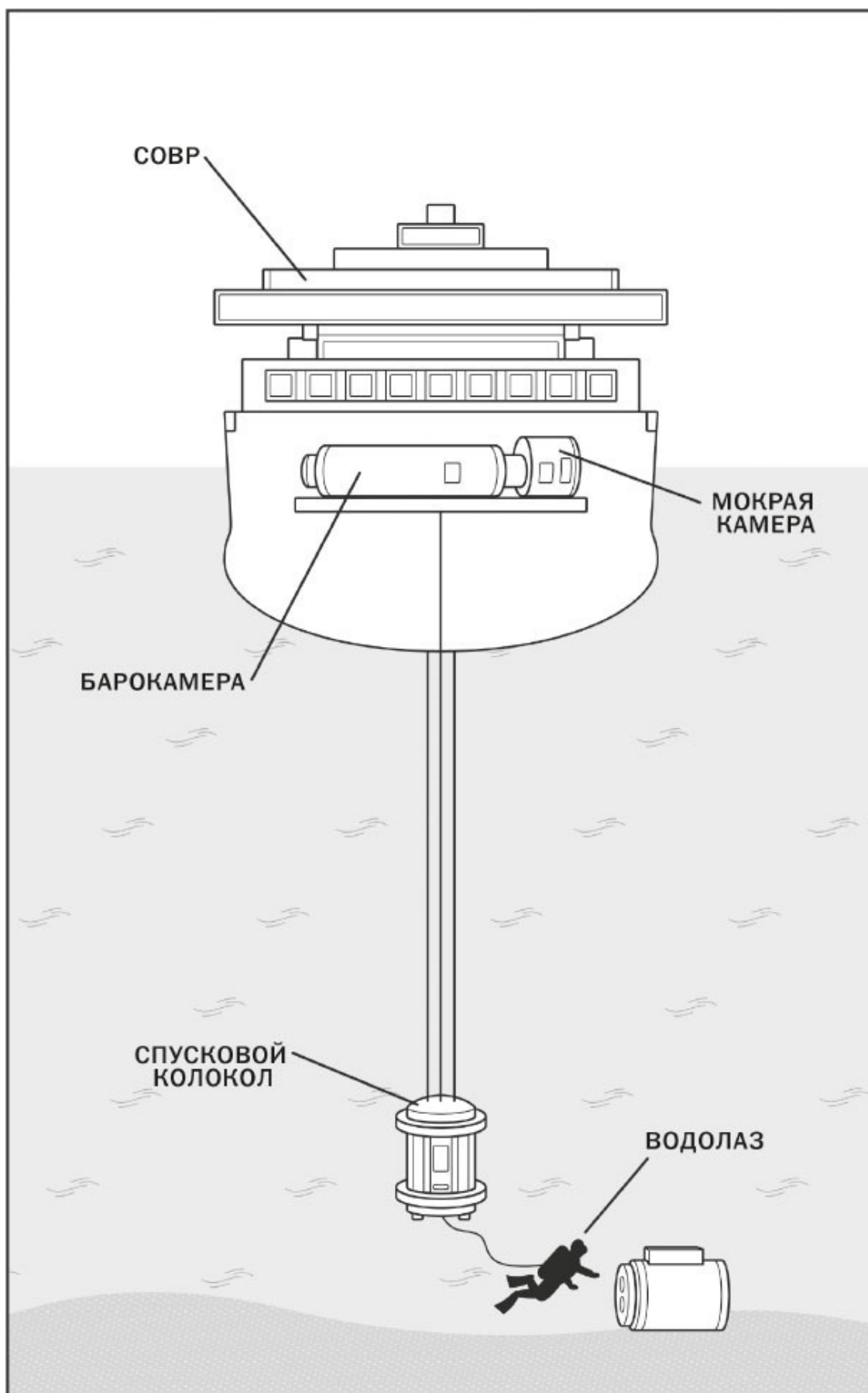
Поглотитель – Патрон с химическим составом для удаления углекислого газа из дыхательной газовой смеси.

Акваланг – Автономный ранцевый аппарат для дыхания под водой.

Переходная камера, ПК – Герметичная камера для перехода под давлением из жилого отсека в спусковой колокол или спасательную капсулу. Часто служит санузелом. Также известна как «мокрая камера».

Пуповина – Рукав, объединяющий шланги подачи газа и горячей воды, электрические и коммуникационные кабели, а также соединяющий водолаза с колоколом, а колокол – с судном обеспечения.

Декорректор – Электронное устройство для преобразования искаженной гелиевой смесью речи водолазов в разборчивую.

Глава 1

Море не волнуют ваши личные драмы или разбитое сердце. Его не задевают ваши страхи, травмы, простые человеческие желания. Море, раскинувшееся по всему миру, скрывающее в своих глубинах истину и ужас, верно лишь самому себе. Любовь или ненависть – морю все равно на них.

Море просто есть.

Я оставляю Абердин позади и поднимаюсь на сходни «Дип Топаз», нашего СОВР – судна, обеспечивающего водолазные работы. Время для прощаний прошло. Соленый бриз бьет по глазам, ветер щиплет, и я забираюсь на борт с сумкой. Майк Эллиот уже ждет меня, солнце подсвечивает его обветренное лицо, зеленые глаза и сверкающие серебром брови.

– Был тяжёлый день, но вместе и прекрасен.

Десятилетие в Северном море смягчило его акцент уроженца Сан-Диего.

– Диккенс?

– Тот, второй. Как жизнь?

– То же судно, новый день.

Он улыбается, и я мельком замечаю военные наколки на его предплечьях. Часть из них нетронута, другая покрыта свежими рисунками. Сожаления и ошибки. *Переосмысление*. Я достаю видеокамеру, он извиняется и оставляет меня в одиночестве.

Неловко направляю ее на себя, и на поворотном экране появляется мое бледное заострившееся лицо. Ни макияжа, ни укладки. Волосы, которые я красила сама, слишком короткие, чтобы толком собрать их в хвост. Мама когда-то говорила, что я *могу быть красивой, если как следует постараюсь*, но это, конечно, сильно сказано.

– Здесь мы проживем следующий месяц, – неловко произношу я. – Двадцать восемь дней мы проведем под давлением или, как говорим между собой, «на глубине». По крайней мере, Майк, я и четверо других водолазов. Мы будем жить на борту этого корабля в маленькой герметичной барокамере и парами спускаться в водолажном колоколе на морское дно, чтобы работать там посменно. Зарплата здесь в пять или десять раз выше, чем мы могли бы заработать на суше, занимаясь строительством. Нам хорошо компенсируют риск.

Я останавливаю запись. Одна из крупнейших водолажных компаний Шотландии смонтирует из отснятого материала короткометражный фильм, чтобы привлечь в нашу отрасль больше женщин. Считаю, мой долг хотя бы попытаться это сделать.

В глубине судна я нахожу Джамбо, опытного водолаза из Ливерпуля. Другие называли бы его моим «папой», ведь когда-то именно он взял меня под свое крыло. Но мы это прозвище никогда не использовали. Джамбо невысокий, темноволосый и мускулистый, со взглядом человека куда более старого, чем он есть. Его мать из Ирландии, отец из Сент-Люсии, а он сам пользуется огромным уважением среди водолазов, которые работают в британских водах.

– Уши, – говорит он, и, несмотря на десятилетия жизни в Коудоре, к востоку от Инвернесса, его шотландский акцент все еще очень силен. – Готовь уши, Брук.

Я здороваюсь с медиком Гонсалес.

– Эллиен Брук?

Я киваю, она велит мне присесть. Скорее всего, мы единственные женщины на корабле. У нее длинные вьющиеся черные волосы и серьезное, напряженное выражение лица. С помощью отоскопа она осматривает мои уши, ведь именно они особенно чувствительны к перепадам давления. Много лет назад Джамбо сказал мне: *«Водолазам в насыщении нужны чуйка и здоровые уши»*.

Гонсалес измеряет мне давление и проверяет дыхание, хмурясь еще сильнее.

– Все хорошо? – спрашиваю я.

Она кивает, мы обмениваемся взглядами. Я не знаю, что это значит. Кажется, ей не по себе. Приходит черед Джамбо, он снимает рубашку. Его тело покрыто шрамами, душа – тоже, и вместе они несут на себе следы многолетнего тяжелого труда. Он не флиртует и не выпендривается, когда раздевается, а лишь доказывает, что еще не слишком стар для нашей работы. Я в нем не сомневаюсь, но боюсь, что он начинает сам в себе сомневаться.

Медики обладают удивительной властью над водолазами. Это им решать, будем ли мы работать или поедим домой. У них есть доступ к сильнодействующим лекарствам. А еще могущество и почти полное отсутствие контроля со стороны – по крайней мере, на борту судна.

Я знавала тех, кто своей властью упивался.

Пронзительно кричит чайка.

«Дип Топаз» устремляется в Северное море мимо впадины Бьюкен, к востоку от Абердина. Пустынный горизонт лишен примет и опоры. Мир кажется чистым и нетронутым, но морское дно под нами пересекает обширный лабиринт из устьев скважин и трубопроводов, коллекторов и соединений. Это невидимая вселенная, доступ к которой есть только у водолазов на насыщении.

Инструктаж от капитана Леннокса мне снимать не разрешают. Он серьезно и почти грубо велит нам беречь себя. Говорит, что каждый из нас может в любой момент скомандовать «Стоп, машина!». Технически это так. Но, учитывая, что каждый день работы судна стоит больше ста тысяч фунтов и единственная причина, по которой оно вообще вышло на воду и обслуживается почти девяноста членами экипажа, заключается в том, чтобы обеспечить нам, шестерым водолазам, выживание, причина на это должна быть очень веская. Капитан велит нам не торопиться и избегать травм.

Другие водолазы сидят по обе стороны от меня. Майк и Джамбо, крепкий длинноногий американец и коренастый британец, – самые старшие и наиболее опытные. Оба бывшие военные. Я, Андре и Спок – младше их по возрасту. А еще есть Пакетик, местный салага.

– Я Эллен Брук, – говорю я, протягивая руку, хотя и сомневаюсь, что он не знает, кто я. – Почему тебя так прозвали?

Пакетик пожимает плечами.

Андре, получивший свою кличку в честь популярного в 70-х и 80-х рестлера, говорит:

– Пацан так чай пьет. Да, Пакетик? Любишь покрепче.

Я предполагаю, что Пакетик лет на десять младше меня. Ему около тридцати. Оливковая кожа, большие карие глаза, квадратная челюсть. До того как мы взойшли на борт, я слышала, как он на другом языке говорил по телефону с матерью. Когда человек пытается успокоить родителей, это всегда понятно – и не важно, на каком языке он говорит.

Он отвечает:

– Я люблю чай крепче, чем ты, Андре. И ослиную мочу пить не стану.

Андре улыбается во весь рот, показывая зубы, – между передними у него внушительная щель. Он спрашивает с сильным говором уроженца Ноттингемшира, глядя на салагу сверху вниз:

– Третий раз в баке?

Пакетик сглатывает, расправляет плечи.

– Второй.

Улыбка Андре смягчается. Он выглядит почти довольным.

– С тобой все будет нормально, пацан.

Мы надеваем водолазные комбинезоны и каски и выходим на палубу. Бушует ветер, волны разбиваются о борт и шумят. Матросы проверяют клапаны и кабели, крановщик сверяется с контрольным списком. К нам подходит высокий стройный мужчина с аккуратной белой бородкой и пронзительными голубыми глазами. Я улыбаюсь, как только узнаю его. Это Халвор Магнуссен.

– Должно быть несложно, – говорит он довольно мягко, несмотря на свой вид. Он не любит бессмысленные разговоры. Халвор сам был легендарным глубоководником – в те времена, когда жизнь в нашей профессии была гораздо короче, чем сейчас. – Балласт на полторы тонны.

Халвор рассказывает нам о работе, иногда его норвежский акцент прорезается сильнее, иногда слабее. Мы слушаем. Море беспокойное, но и не штормит. Последние чайки поднимаются в воздух и улетают, когда мы направляемся в более глубокие воды. Все, кроме одной. За спинами коллег я вижу большую черную птицу, распростертую на палубе и раскинувшую крылья. Шея чайки сломана, голова болтается и повернута под каким-то неестественным углом. Клюв слегка приоткрыт. Мне следует прислушаться к техническим пояснениям Халвора, но я слежу за тем, как молодой матрос в каске аккуратно поднимает чайку рукой в перчатке – перья развеваются на ветру, глаза сверкают, как драгоценные камни, – и бесцеремонно выбрасывает ее за борт корабля.

– Повторяю, вопросы есть?

– Нет, – ответила я, возвращаясь в реальность, к Халвору. – Все ясно.

– Как я уже сказал, должно быть несложно. Первое погружение в пять утра. Главное, чтобы погода не помешала. Не будем загадывать наперед.

Мы шестером идем на склад снаряжения, а Халвор отправляется туда, где проведет ближайший месяц, – на пункт управления. На большинстве судов главным нервным центром является мостик, и капитан наслаждается неоспоримой властью. Но на СОВР все иначе. После погружения центром вселенной становится пункт управления, а Халвор фактически превращается в бога. Задача мостика – и она чрезвычайно важна – состоит в том, чтобы удерживать судно неподвижным в любых условиях, используя GPS и систему динамического позиционирования с помощью подруливающих устройств. Если судно сместится, то следом сместится и колокол, и тогда у любого водолаза, работающего на дне, оборвется пуповина. Он останется в полном одиночестве – без связи, горячей воды и подачи воздуха, в непроглядной глубине.

Я спрашиваю парней, можно ли заснять проверку снаряжения.

– Меня не снимай, – отвечает Спок, не извиняясь и не объясняясь, что меня не удивляет. Лео (это его настоящее имя), крутой водолаз и участник ультрамарафонов, предпочитает держаться особняком. Его торчащей челке мог бы позавидовать любой участник бойз-бенда, ни у кого больше я такую не видела. Всегда ухоженный и спокойный, Спок относится к водолазному делу так же серьезно, как и к воспитанию своих четырех дочерей. Большинство водолазов пашут без продыху, а он всегда следит за тем, чтобы проводить достаточно времени на суше и иметь возможность разделить ответственность и все самое главное со своей женой. На этом корабле нет никого более загадочного, чем он.

– Без проблем, – отвечаю я.

Осмотрев свой шлем – шапку, как мы называем между собой этот предмет желтого цвета весом больше двадцати килограммов, которая позволяет нам оставаться в живых на глубине, – я снимаю то, как Андре и Джамбо проверяют передатчики.

Андре пригибается, заходя на пункт управления, расположенный примерно в десяти метрах от барокамеры, которая скоро станет нашим домом. Он говорит:

– Проверка камеры, – и Джамбо сдвигает шлем.

– Работает?

– Да, – отвечает Андре.

Джамбо говорит:

– Проверка освещения, брат.

Андре нажимает на одну из сотен кнопок на панели управления, и мощная подсветка шлема включается и выключается.

– Освещение работает, – радостно сообщает Джамбо.

– Отключаю связь, – отвечает Андре.

Эти двое очень близки. Не только потому что много лет работают вместе, но еще и из-за того что, возвращаясь на сушу, становятся собутыльниками. Андре на голову выше Джамбо, кожа у него в десять раз светлее, но если не считать этого, они бы сошли за братьев.

Я ставлю камеру на полку и снимаю то, как проверяю собственный шлем. Я закручиваю болты и проверяю защелки. Снарягу мы проверяем сами – как десантники, складывающие свои парашюты. Когда ты работаешь на глубине более ста метров, предосторожности не бывают лишними. Ты полагаешься на свои умения, коллег, снаряжение и характер. Если запаникуешь, тебе конец. Главное – думать, а не реагировать. Если что-то пойдет не так, важнее всего будет побороть инстинкт всплыть на поверхность. Потому что это не выход. Мы помогаем самим себе и команде. Все шестеро. Если один из нас лишится руки или пальца во время гипербарической сварки, что случается значительно чаще, чем я об этом думаю, другие его подлатают и поделятся обезболивающим.

Я смотрю в камеру:

– Со шлемом все хорошо.

Мы подбираем себе обувь и водообогреваемые комбинезоны. У большинства есть предпочтения. Андре выбирает самый большой размер, Джамбо – самый маленький. Споку, мне кажется, все равно. Он не похож на человека, на чей выбор могли бы повлиять ностальгия или суеверия. Я совсем другая. Когда я работала в Мексиканском заливе, мы часто использовали такие же комбинезоны, но там от них не зависела наша жизнь. На дне Северного моря нас ждут шестичасовые погружения при температуре примерно на три градуса выше нуля. Если пуповина перестанет подавать горячую воду, я умру от гипотермии за несколько минут.

– Будешь снимать, как мы принимаем душ в мокрой камере, Брук? – спрашивает Джамбо, показывая на мою камеру.

– Только батарейку зря сажать, – отвечаю я.

Он улыбается, в уголках губ появляются ямочки, и надевает комбинезон.

Барокамера вот-вот нас поглотит. Я навожу объектив на систему. Трубы, клапаны, стальные заклепки. Голос звучит не так уверенно, как хотелось бы.

– Это наш новый дом. Мы будем жить на судне примерно при том же давлении, что и в ста метрах под водой. Барокамера маленькая, размером примерно с заднюю площадку автобуса, и вшестером мы проведем целый месяц. Внутри – двухъярусные кровати, стол со скамьями и мокрая камера, которая служит одновременно ванной комнатой, складом снаряжения и капсулой для транспортировки. Пищу, лекарство и чистое белье нам будут передавать через маленький шлюз, когда установится постоянное давление. Камбуз судна не так далеко, поэтому еда будет прибывать к нам еще горячеей. Дышать мы будем не воздухом, а смесью гелия и кислорода, поэтому, возможно, это мои последние слова, которые вы поймете без субтитров.

– Я тебя и сейчас не понимаю, – говорит Майк. – Этот твой каджунский говор, Брук. Нельзя вывезти Луизиану из девушки.

Я не обращаю на него внимания. Майк иногда производит угрожающее впечатление, но вообще-то он милашка.

– Наша шестерка будет жить, есть и спать здесь, в этой крошечной капсуле на корабле, – продолжаю я. – В общей комнате есть небольшие иллюминаторы, через которые операторы систем жизнеобеспечения и их помощники смогут наблюдать за нами, а мы – за ними. В Штатах помощников называют Бетти. Они остаются на судне, пока мы вшестером каждый день поднимаемся и опускаемся, чтобы работать на дне. Нас ждут попарные смены, каждая длится восемь часов, из которых шесть внизу. Мы будем есть и спать в камере на судне и каждый день в колоколе спускаться на грунт.

Я останавливаю запись. «Дип Топаз» покачивается на волнах, но мы в центре судна, и здесь это ощущается не так сильно. Снаружи грузового шлюза из толстой стали беспорядочно свалены мешки. На каждом написано имя.

Джамбо – или, как его зовут на самом деле, Гэри Питчард, бывший водолаз-подрывник военно-морского флота, – самый старший в нашей команде. Вместе с Пакетиком он единственный не белый водолаз, ныне работающий в Северном море. Любитель бега по пересеченной местности и отличный повар, Джамбо – наш опытный старейшина. Его темно-зеленый вещмешок и ноутбук потрепаны не меньше хозяина.

Майк Эллиот, отставной «морской котик», страстный автолюбитель и фанат калистеники, обожает «Корветы» и мотоциклы. У него спортивная сумка, а прозвища нет. Думаю, никто не смог его придумать. Я виделась с его многолетней подружкой, Эмили, образованным британским архитектором, и она мне очень понравилась. Вместе они отнюдь не выглядят идеальной парой, но как-то справляются. Как и многие в нашей профессии, Майк лишился кончика большого пальца левой руки.

Спок, тихий семьянин с необычной прической, всегда сдержан; отсюда и кличка. Даже сумка у него незапоминающаяся – мягкая, серая, фирмы «Пума». Спок обладает телосложением квотербека НФЛ, но, несмотря на это, показуха ему не свойственна. Однажды он отказался от хорошо оплачиваемого погружения в Средиземном море, потому что его дочке нужно было удалить аденоиды. Не знаю, кто еще из водолазов принял бы такое решение.

Андре, жилистый спец по сварке, бывший игрок в регби и нынешний – в карты, почти ровесник Джамбо, но мудрости ему недостает. Его сумка – из дорогой коричневой кожи, но он настолько высокий, что его вечно дразнят – мол, в его руках она выглядит как кошелек. Андре частенько цитирует сразу по несколько строк из шекспировских пьес. Когда голос искажен гелием, это звучит весьма своеобразно. А еще – заразительно.

Пакетик – или, если верить ярлычку на сумке, Джавад Ассар, – пока что тайна. Это всего лишь вторая его работа с насыщением, и он привез с собой новенький рюкзак, который, как это часто бывает у новичков, значительно больше, чем сумки всех остальных.

Он пока не осознал, насколько тесные и аскетичные условия нас ждут.

Колокол – это капсула поменьше, которая функционирует с тем же давлением, что в барокамере и на дне. Он соединяется с коротким туннелем над мокрой камерой и поднимается, перемещается и опускается через колодец судна на стальных тросах. Мы проверяем оборудование, изучаем пуповины и резервные газовые баллоны. Встав кругом, мы вытягиваем соломинки, чтобы определить, кто займет нижние койки. Нервы шалют от предвкушения и страха. Я, естественно, вытаскиваю короткую. Меня ждет верхняя койка, а значит, меньше пространства и возможности уединиться. Парни расходятся и занимаются тем, что успеют сделать за оставшиеся пять минут до нашего заключения в барокамере. Андре выкурит последнюю сигарету. Джамбо наверняка позвонит подружке попрощаться. Майк будет стоять на палубе и в последний раз за следующие четыре недели вдыхать свежий воздух – да, в общем-то любой, и сделает пару упражнений. Понятия не имею, чем занимается Спок. Я проверяю шлем в последний раз и пишу Джилли, моей невестке из Хэрроугейта.

Пригляди за ними, сестренка.

За старшеньким тоже. Целую.

Джилли отвечает моментально. Сколько бы ни прошло лет, она каждый раз переживает за меня.

Я пригляжу за ними. А ты береги себя. Как вернешься, пойдем на воскресный обед в новый паб. Не лезь там на рожон. Люблю. Целую.

Пакетик первым забирается в камеру, и мы по цепочке передаем ему сумки, сетчатые гамаки для колокола и водонепроницаемые несессеры. На мне толстовка, тренировочные

штаны и шлепанцы, потому что я знаю, что ждет впереди. Захожу последней и скольжу сквозь шлюз с двумя наволочками в руке: с Человеком-пауком с кровати Генри и белой в синюю полоску от Лоры Эшли² с постели Лизы.

Оператор спрашивает:

– Все внутри?

– Все внутри, – отвечаю я.

– Увидимся через месяц.

Металлический лязг.

Шлюз закрывается.

² Лора Эшли (1925–1985 гг.) – британская модельер и бизнес-леди.

Глава 2

Джамбо, шеголяющий в кипенно-белых носках и шлепанцах «Рибок», стискивает стальные поручни и ступней давит на шлюз.

Люк задраен.

Продувка – нагнетание давления в камере – начинается.

Наш дом на следующие четыре недели, чем-то напоминающий маленькую подводную лодку, помещение размером с совмещенный санузел, начинает шипеть и скрипеть. На посту управления нам постепенно повышают давление. Азот, главная причина кессонки, изгоняется и постепенно заменяется другим инертным газом, гелием. Койки не заправлены. Оператор системы жизнеобеспечения, которого я впервые увидела час назад, обходит барокамеру, проверяя ее на предмет протечек. Стоит ему убедиться, что все хорошо, как давление продолжает нарастать.

Десять метров.

– Все хорошо, ребята? – спрашивает Халвор с поста управления. Его узнаваемый голос передается с микрофона на наш встроенный интерком. Нас он сможет услышать благодаря такому же микрофону и декорректору.

– Да, босс, – отвечает Джамбо. Он говорит за всех не потому, что мы выбрали его лидером, или из-за того, что официально он старше остальных. Просто для него естественно ответить.

Мы заправляем койки. Один из ключевых принципов для водолазов – оставь все, как было. Во многом мы живем по смягченному военному кодексу. Говорим «Прием», «Отбой» и «Так точно», по крайней мере, когда не находимся лицом к лицу. Многим из нас нужно сбросить давление, уж простите за каламбур, в течение пары дней перед тем, как мы вернемся к родным после месяца работы. Нелегко неделями подряд изъясняться военными аббревиатурами, а потом вернуться к полноценной гражданской жизни и болтать об отношениях, эмоциях и школьных забегах. Переходный период может быть неприятным для всех участников.

Пятьдесят метров.

Мы по-прежнему на борту судна, но живем не так, как остальная команда.

Ответственный за газ знает, что торопиться не стоит, иначе он сварит нас живьем. Думаю, не только мне снятся кошмары об огромной вышедшей из-под контроля скороварке. Показания настенного датчика подсказывают, и мы достигаем температуры, с которой обычно сталкиваешься, покинув кондиционированное пространство самолета и сойдя с трапа в тропической стране. Порыв жара и влажности из открытых дверей. Моментальная перемена.

Раздается громкий *хлопок*, и Пакетик делает два шага к своей полке.

Бутылка с шампунем взорвалась и залила постельное белье.

– Грубая ошибка, Пакетик, дружок, – говорит Андре, потянувшись, чтобы дотронуться до потолка.

– Приберись, – добавляет Спок, выражение его лица не меняется.

– Со мной такое тоже однажды случилось, – произносит Джамбо, ухмыляясь, у него на щеке капля шампуня. – Второй раз не попадаешься. Открывай все бутылочки заранее, капитан.

Нелегко застилать постель, когда по бокам от тебя тем же заняты крупные мужчины. Условия у нас теснее, чем у подводников, теснее, чем у любовников в капсульном отеле в Токио. Но все же нам удастся обитать в этом пространстве. Мы точно знаем, сколько места занимает каждый, и редко сталкиваемся друг с другом. Это похоже на балет «синих воротничков», необычный танец, исполняемый сварщиками и бывшими военными водолазами, каждому из которых не терпится создать себе личное пространство.

Пакетик сидит на жесткой скамье за пределами спальной зоны и обмахивается синим полотенцем, чтобы на лицо попал свежий воздух. Не *воздух*, уже нет. *Газ*. Мы дышим гелиоксом, смесью гелия и кислорода, насыщая им ткани наших тел, и с этого момента, благодаря нашим искаженным высоким голосам, все, что я смогу записать на камеру «Сони», потребует субтитров.

Я смотрю на Пакетика и показываю ему большой палец; он отвечает тем же. На предплечье у него выгоревшая татуировка. Мне стоит присматривать за этим юным водолазом. Я хочу спросить, как прошло его первое погружение, где он работал и с кем, но сейчас лишнее внимание ему не нужно. Пакетик должен сосредоточиться на том, чтобы удержаться от невыносимого желания поддаться панике и схватиться за рукоятку шлюза.

Показатели датчика поднимаются не так уж плавно. Иголка застывает на мгновение, показывая, что давление растет, и я по глазам Пакетика вижу, что он борется с животным инстинктом выживания, который хорошо мне знаком, пусть я и научилась его подавлять.

В таких условиях даже самый закаленный и спокойный профессионал может моментально потерять контроль.

Майк сидит напротив Пакетика и читает журнал «Американское железо». Он медленно и методично изучает статью о мотоциклетных гонках в Красных скалах Юты, держа журнал на вытянутой руке. Однажды на суше я заметила его в очках для чтения, и он тут же их снял. Пот капает с кончика его носа, Майк вытирает его каплю со столика из нержавеющей стали с помощью бумажной салфетки и антибактериального спрея, – машинально, почти рефлекторно, – а затем помещает скомканную бумажку в прозрачный пакет, свисающий с крюка на изогнутой металлической стене. *Развел бардак – немедленно приберись*. Бактерии молниеносно размножаются в этих влажных смрадных условиях. Каждый из нас страдал от ушной гнили или грибка стопы. Серьезные инфекции распространяются с ужасающей скоростью. Микробы расползаются. Они приумножаются и мутируют. Шесть человек может за несколько часов погибнуть в такой замкнутой безвоздушной камере. Майк это знает. Как и все мы.

– Всем удобно? – спрашивает Дункан через интерком на стене. Он наш шотландский руководитель, босс Халвора, который следит за нами с пункта управления.

– Да, – отвечает Майк. – Все хорошо, шеф.

Датчик давления показывает шестьдесят метров, и я каждые пару минут вытираю пот с лица. Все койки заправлены, стальной столик разложен на максимальную длину. Он покрыт газетами, моими и Спока. Это одна из множества вещей, с которыми нам помогают операторы. Они заряжают наши МРЗ-плееры, приносят нам что-нибудь почитать и кормят нас. Удовлетворяют любой каприз. Некоторые из них шутят, что мы ленивые, но большинство не обменяли бы свободу и свежий воздух на наше влажное заключение. Мы *во всем* полагаемся на них и на остальную команду снаружи. Если бы им захотелось, они могли бы сварить нас заживо, заморозить до смерти, уморить голодом и убить газом. В какой-то степени все это похоже на научный эксперимент, вышедший из-под контроля: мы ничем не управляем, а список способов, которыми они могли бы причинить нам вред, если бы захотели, чрезвычайно велик. В основе лежит фундаментальный дисбаланс, и единственная причина, по которой мы на него соглашаемся, – это деньги.

Нам, понимаете ли, отлично платят. Это единственный ручной труд, который оплачивается настолько высоко. Несмотря на это, большинство водолазов на насыщении, или крыс, как нас иногда называют, не становятся богачами, потому что, подобно пиратам, морякам и другим авантюристам, мы склонны проживать каждый день как последний. Потому что, как говорила моя матушка из Флориды, *«Однажды, милая, день и правда будет последним»*.

Наш дом круглый, словно бочка с пропаном. Стены того самого серо-бежевого цвета, которым отличаются психиатрические больницы и морги. Институциональный *сежесвий*; все поверхности моющиеся.

Пакетик поворачивается к Майку с таким видом, словно десять минут набирался смелости, и спрашивает:

– Ты был «морским котиком»?

Майк не отвлекается от журнала о мотоциклах:

– Никем я не был, сынок.

– Что? – говорит Пакетик.

Майк знает, что юный водолаз с трудом его поймет, учитывая тот объем гелия, который мы сейчас вдыхаем. Мультяшным голосам тоже нужно акклиматизироваться. Датчик на стене показывает семьдесят метров. Майк повторяет, на этот раз медленнее:

– Я сказал «никем я не был».

Пакетик не знает, куда девать глаза после этого ответа.

Я иду к своей койке.

Полтора шага.

На ближайший месяц это будет мое единственное личное пространство, да и то это преувеличение. У меня есть тонкий матрас, подушка и синяя простыня. Занавеска. Другая койка – Джамбо, аккуратно под моей, украшенная маленьким флажком футбольного клуба «Ливерпуль» и фотографией его семьи. Моя постель нависает над его, прикрепленная стальными цепями к потолку. Гнезда для наушников и место для книги. Если нам захочется посмотреть телевизор, то это придется делать через крошечное отверстие, прижавшись друг к другу. Когда я лежу, то могу вытянуться так, что сумею прикоснуться к каждой койке. Это попросту нелепо. Дома, в нашей сонной деревушке к северу от Хэрроугейта, графство Йоркшир, моя спальня в четыре или пять раз больше всей этой камеры. Мы со Стивом специально ее так спроектировали: чтобы было много воздуха и света. Для себя он построил еще и небольшую бревенчатую хижину с зеленой крышей – что-то вроде кабинета, где он сможет чинить и обслуживать наручные часы. Он выбрал древесину для пола в доме, а я выбрала обои.

Здесь, когда я лежу, моя ступня почти касается Пакетика, сидящего на скамье и вытирающего лицо.

Я достаю камеру и начинаю запись.

– Три койки в форме буквы «П». Шесть постелей. Нижние койки, доставшиеся Споку и Андре, прикрывают шлюз, через который мы сюда вошли. У Андре с собой крем для рук и очки для чтения, потому что он стареет.

Я поворачиваю камеру в другую сторону, к нашему жилому пространству.

– Вот и все.

Голос у меня писклявый; я не могу ничего с этим поделать. Лиза называет его «креветочным», а Генри считает, что я говорю как Дональд Дак. Внезапно я ощущаю такую тоску по ним, что становится больно. Щипаю себя за нос и объясняю в камеру, как продуть пазухи.

– Скамья слева, скамья справа, столик в центре. Обычно мы складываем его так, чтобы в центре камеры оставалась только одна секция. Его можно увеличить, когда мы садимся есть.

– Счастливые семьи, – говорит Спок, его глаза как всегда пусты. Я слышала, что некоторые из его коллег ощущали себя чрезвычайно неудобно рядом с ним, пока не прошли вместе несколько погружений. После этого они осознавали, что он не только стабилен, надежен и спокоен под давлением, но еще и является одним из самых физически сильных – и честных – водолазов, с которыми им приходилось работать. Сейчас он читает «*Файненил Таймс*».

– Посоветуешь, куда инвестировать? – спрашиваю я.

Он смотрит вверх, почесывает черные волосы и отвечает:

– Покупай нефть.

Вот почему мы здесь. Нефть – причина того, почему наше СОВР с девятиюстами членами команды на борту, чье содержание обходится в сотни тысяч фунтов в день, движется к северу от Чертовой дыры на месячную морскую вахту. Мы здесь, потому что нефть должна качаться.

Мы подчиняемся Халвору, нашему руководителю, хотя Джамбо и Майк могут оспорить это заявление, а он подчиняется Дункану и ночному суперинтенданту – довольно противоречивой фигуре в нашей области. Те же, в свою очередь, отвечают перед операционным менеджером. В конечном счете, так или иначе, все отчитываются перед нефтяной компанией и ее акционерами.

Джамбо смотрит на Пакетика и спрашивает:

– Держишься, пацан?

Пакетик кивает.

– Уверен? Говори, если поплохее. У нас тут секретов нет.

Джамбо не напоминает ему, что нужно продолжать продуваться, шевеля челюстью, пока в ушах не защелкает, потому что это звучало бы снисходительно. Вместо этого Джамбо сам начинает продувку, невзначай демонстрируя это Пакетику, и тот понимает намек. Обучение без слов. С одной стороны, причина в том, что Джамбо – честный малый, отеческая фигура и добрый человек, а с другой – в том, что Пакетик в нашем мире пока новичок, а он сам – очень опытный коммерческий водолаз, который много лет учился тому, что умеет теперь. Погружение с насыщением – это вершина водолазной индустрии, которой достигают лишь несколько десятков человек в год. Мне пришлось целых восемь лет погружаться на обогащенном воздухе, собирать все свои дипломы и сертификаты, все бумажки, прежде чем мою кандидатуру в принципе стали бы рассматривать. Погружение на обогащенном воздухе (когда дышишь именно воздухом, а не особой смесью газов) – это тоже коммерческая работа, непростая, но не настолько суровая и хорошо оплачиваемая, как наша. У меня это заняло столько времени, потому что не все были готовы запереть женщину в барокамере. Большинство раздражала сама мысль об этом.

По сей день нас в профессии чрезвычайно мало.

Я смотрю на то, как Джамбо продолжает следить за нашим новым товарищем, новым братом. Он задает ему вопросы и смеется над его шутками.

На подушке две наволочки сразу. Я могу лечь после тяжелого погружения, душа и еды, а потом уснуть, вдыхая запах моих детей. Благодаря этому мне удастся пережить тяжелые времена, а когда работаешь в море, их не миновать.

Я прикрепляю фото детей к изогнутой металлической стене с помощью магнитов, затем добавляю наш со Стивом совместный снимок в Риме, его загорелая рука обнимает меня за плечи. Мы помогаем друг другу преодолевать неизбежные жизненные трудности. Я даже не думала, что встречу такого мужчину, как он. Я практически сдалась.

Халвор объявляет:

– Продувка окончена. Все хорошо себя чувствуют?

Майк отвечает за нас:

– Все в норме.

Впереди двенадцать часов хода, прежде чем мы достигнем нашей безликой цели: набора координат, которые показывают, что мы находимся примерно в ста метрах над определенным коллектором.

– Меню на подходе, – раздается из интеркома на стене.

Я подхожу и открываю то, что мы называем медшлюзом. В девяноста девяти случаях из ста он используется для передачи горячей воды или свежестиранных футболок, а не чего-либо медицинского, но мы продолжаем так его называть. Это небольшой шлюз, через который можно передавать предметы после того, как давление установлено. Я открываю люк и достаю карточку с меню.

Джамбо забирает ее у меня и с сильным шотландским акцентом, который из-за влияния гелия делает его речь еще более непонятной, объявляет:

– Булочки. Говяжий стейк. Бедро цыпленка. Запеченная пикша. Стандартные соусы. Фруктовый салат. Сыр и крекеры. Шоколадный бисквит.

Каждый из нас говорит, что хочет на ужин, и он делает пометки карандашом. Сжимает его изящно, словно упражняется в каллиграфии. Этот процесс будет повторяться несколько раз в день в течение следующих недель.

Я предполагаю, что во время работы съедаю пять или шесть тысяч калорий в день – и эта цифра в два раза больше той, в которую укладывается мое питание дома.

Температура примерно девяносто градусов, как в прохладный вечер на озере Чарльз двадцать лет назад. Я сидела среди кипарисовых пней на берегу Контрабандной протоки с упаковкой пива и переносным радио, слушала станцию KBYS и мечтала о том, какой могла бы быть карьера успешного водолаза.

Я и представить себе не могла свою нынешнюю жизнь.

Еда поступает к нам час спустя, в контейнерах из алюминиевой фольги с картонными крышками. Мы едим плечом к плечу. Джамбо, самый небольшой из нас, потом Спок, Майк, Пакетик, Андре и я. У каждого из нас своя баночка с витаминами и заранее выбранный острый соус. Гелий, которым мы дышим, оказывает на тебя физиологический эффект, и он заключается не только в мультяшном голосе. Первое: у нас плохо с терморегуляцией. Нам нужно, чтобы в камере было тесно и жарко, иначе мы замерзнем. Второе: по каким-то странным причинам мы плохо чувствуем вкус. Чтобы побороть это, мы создали неофициальный клуб любителей острых соусов.

– Снова «Хот Гейтор»? – спрашивает Майк, щурясь на мою бутылочку.

– Обижаешь, – отвечаю я. – Он в прошлом. Не острота, а одно название.

– Огненный атомный соус от Рэя Шеклза? – интересуется он, его голос звучит глубже, чем у остальных, толстые вены на руках и предплечьях ярко очерчены.

Я качаю головой:

– Рэй Шеклз? Для любителей. У меня тут экстракт крови сатаны. Настоящее ракетное топливо.

Мы встряхиваем соусы из бутылочек на нашу безвкусную еду. Я не имею в виду, что все британские блюда такие, хотя порой это правда. Я к тому, что под давлением для нас еда не имеет вкуса.

Каждый из нас принимает душ, потому что в настолько тесном помещении есть неписаное правило: никаких телесных запахов. Иногда ты оказываешься среди людей, которые не в курсе этого, но, к счастью, нашей команды это не касается.

Я нажимаю на запись и говорю:

– Ванная. Давайте я покажу.

Я беру два полотенца и захожу в мокрую камеру, также известную как переходная камера, или ПК для краткости.

– Мокрая камера – это отсек между барокамерой и колоколом. Здесь мы надеваем снаряжение, а еще моемся и ходим в туалет.

Я показываю на унитаз из нержавеющей стали.

– Парни запросят воду, помоются, вытрутся и вернутся обратно, обернув полотенце вокруг бедер. Для меня все не так просто, но я разработала свой способ. Стратегически расположив одно полотенце вот здесь, я могу быть уверена, что никто из Бетти не будет на меня глазеть. Это против правил, но пока никто не жаловался. Затем я запрашиваю воду. Ее подают. Я быстро моюсь, вытираюсь, надеваю треники и футболку и возвращаюсь.

Никто не знает, как быть женщиной, когда ты водолаз на насыщении. Черт, как быть здесь *мужчиной*, тоже никто не знает. Это одна из причин, по которой я все записываю, хотя и не рассказывала об этом парням. Хочу, чтобы в нашей профессии было больше женщин. Я бы хотела успеть пару раз погрузиться с крутыми специалистками до того, как выйду на пенсию.

Пол камеры скрипит.

Системы жизнеобеспечения гудят, пока мириады труб и каналов несут газы к нам или от нас. Мы должны верить в то, что ребята снаружи не перепутают направление.

Смены расписаны, и я узнаю, что выйду первой в четыре утра, с Андре в качестве беллмана. Я рада тому, что сбегу отсюда, смогу потянуться, изучить морское дно, поплавать и прогуляться. Он наверняка еще сильнее меня хочет потянуться, потому что здесь не может даже выпрямиться во весь рост.

Свет гаснет, и болтовня стихает.

Занавески задернуты.

Мы стараемся отдыхать и спать, когда можем. То есть большую часть времени.

Я смотрю на фото на стене и прижимаюсь к подушке, погружаясь в два чудесных запаха: тонкие, почти незаметные, но тем не менее успокаивающие меня. Я начинаю засыпать, в мыслях – лица и голоса моих детей.

А потом, когда мой разум отключается и наполняется снами, раздается пронзительный сигнал тревоги.

– К шлюпке, немедленно.

Глава 3

Мы пробираемся в переходную камеру. Все знают, что это учения, пусть и начавшиеся очень не вовремя. И все же я вижу тревогу, отпечатавшуюся на одурманенных сном лицах остальных. Забираться в гипербарическую спасательную шлюпку непросто даже на тренировке, и воображение пытается разыграться во всех возможных направлениях.

– Лучше бы три часа назад все это устроили, – бормочет Майк, сжимая и разжимая кулаки.

Из интеркома не доносится ни звука.

– Я уже успел отключиться, – говорит Джамбо. – Мне нужен сон для красоты.

– Для красоты тебе нужна кома, – откликается Андре.

– Два развода, и это не предел, – отвечает Джамбо. – Тебе бы тоже не помешало.

Я раздумываю, не заснуть ли учения, но понимаю, что это будет невозможно из-за того, что нам предстоит сделать дальше.

Нужно открыть шлюз на потолке и по очереди взобраться по трапу в изогнутый стальной ствол, своего рода вертикальный туннель, – и все это под одним и тем же давлением, на нашей рабочей глубине, поднимаясь все выше и выше, пока мы не достигнем спасательной шлюпки. Шесть червяков, ползущих по узкой трубке. Когда мы оказываемся в шлюпке, между нами не остается пространства. И воздуха. Мое плечо впивается в твердую спину Спока, а на мою ногу давит костлявое бедро Андре. Сардины в герметичной консервной банке. Мы стоим прямо, насколько это возможно, пока суперинтендант все проверяет. Мой рост пять и восемь, и то голову приходится пригнуть, так что для Майка и Спока дела обстоят еще хуже, а Андре и вовсе согнулся в три погибели. Неприятное дыхание: выдохи мужчин, которые засыпали на ходу, забираясь сюда.

Я замедляю собственное дыхание. Один из простых, но жизненно важных девизов водолазов на глубине: *никогда не лезь вперед шлема*. Таких фразочек-мантр предостаточно. *Запаникуешь, умрешь. Поверхности не существует. Колокол – единственная надежда. Оставь все как было. Доверяй не инстинктам, а навыкам*.

– По-моему, чудесная прогулка, – говорит Джамбо, ухмыляясь, его писклявый голос почти не разобрать. – Тебе нравится, Пакетик, сынок?

– Бывало и хуже, – отвечает Пакетик, изо всех сил пытаясь покрасоваться.

– Почему тебя называют Пакетиком?

– Мы это обсуждали.

– Но ведь мне ты не говорил.

– Что?

– Мне не сказал, говорю.

Пакетик кивает. Он родился в Британии, но его родители курды.

– Когда я работал в Красном море, оставил пакетик в чашке, а потом так чай и выпил. Кличка прилипла.

Неудивительно. В прошлом году я познакомилась с бывшим водолазом по кличке Арахис, который подавился орешком еще в 1973-м. Тридцать лет он провел с этим прозвищем.

Проверки с пункта управления продолжают.

– Все в норме? – спрашивает Джамбо.

Мы киваем и утвердительно кряхтим.

Какой бы пугающей ни была эта так называемая спасательная шлюпка, водолазы постарше помнят времена, когда ее у нас не было. Я слышала столько баек. Не люблю их рассказывать, пока нахожусь в «баке», как мы называем это между собой, но периодически они всплывают в разговоре. СОВР тонут во время бурь. Экипаж судна покидает его на собственных

шлюпках, но если гипербарических нет, у водолазов в барокамере нет шанса выбраться. Они наблюдают за тем, как корабль тонет, и ощущают это. Принимают свою судьбу, я бы сказала, потому что иного выбора нет. Операторы будут, сколько сумеют, сноваť вокруг барокамеры или камер, обезумевшие и обеспокоенные. Водолазам могут сообщить об их судьбе – или оставить их на ее произвол. Сигналы тревоги и сирены. Удручающий приказ «Покинуть судно».

Но опять же, у водолазов такого варианта нет. У нас вообще нет вариантов. Если кто-то откроет шлюз, мы моментально погибнем. *Превратитесь в клубничный джем*, как это называл мой первый суперинтендант. Так что водолазы ждут. Голоса перестают звучать из интеркома. Стопки полотенец и простыней снаружи камеры начинают падать в тот момент, когда судно переворачивается, это видно сквозь крошечные окошки. Возможно, водолазы наблюдают за тем, как морская вода заливают палубу и трапы, поднимается вокруг изогнутых стен барокамеры. Может отключиться электричество. Полная и абсолютная темнота. Шесть водолазов произносят последние слова и думают последние мысли. Если дно глубже, чем давление, под которым они находились, шлюзы выбьет, и все шестеро утонут. Если люки выдержат, водолазы умрут от гипотермии.

Такой была судьба множества храбрых водолазов до нас.

В наши дни в случае бедствия наша судьба будет иной, но такой же страшной. Кто-то скажет, даже хуже. Мы будем пристегнуты к узким жестким сиденьям. Каждый на шлюпке такого размера будет страдать от морской болезни. Здесь нет туалета или раковины. Мы вшестером будем блевать и мочиться, или кое-что похуже, в герметичной камере, обездвиженные. Мы будем обезвожены и потеряны. Ни окон, ни помощи, ни поста управления – никто не даст нам воды, одеял или ответов, никто снаружи не свяжется с нами. Мы будем предоставлены сами себе. А потом, если нас случайно найдут не те люди, люди, которые не понимают законов давления, те, чей порыв будет, несмотря на все предостерегающие знаки, которые нанесены на шлюпку снаружи, открыть шлюз и помочь выжившим водолазам, которые будут протестовать писклявыми голосами... Что ж, они убьют нас – и могут сами пострадать в процессе.

Мы сидим слишком близко.

Мы дышим тем же газом, который выдохнули.

Погружения с насыщением, несмотря на очевидные риски, статистически более безопасны, чем плавание с аквалангом, подводное или пещерное. После «Пайпер Альфа» вся нефтяная промышленность Северного моря обновила протоколы безопасности и оборудование.

Я не могу дождаться, когда нас выпустят. Наша барокамера тесная, но к ней я привыкла. Там хотя бы есть окна. На этой шлюпке – ничего похожего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.